

Научная статья

УДК 811.554'373

DOI 10.17223/18137083/96/12

Наименования лиственницы в одульском языке и традиционное мировоззрение лесных юкагиров

Прасковья Егоровна Прокопьева

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

pproe@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9413-6093>

Аннотация

Рассматриваются наименования лиственницы в одульском языке, или языке лесных юкагиров, в семантическом, морфемном и культурологическом аспектах. Из различных источников выявлено 13 номинаций лиственницы, в которых отражены дифференциация деревьев по возрасту, признаки, связанные с традиционными верованиями о тождестве человека и дерева, внешние особенности лиственницы. Многие названия лиственницы отражают мировоззренческие установки лесных юкагиров: выделение ее как своего, юкагирского, дерева; связь лиственницы с культом предков; представления о памятном личном дереве как двойнике человека. Показана морфемная структура лексических единиц и их соотнесенность с другими словами, выдвинуты предположения насчет значения и происхождения отдельных лексем.

Ключевые слова

лесные юкагиры, юкагирский язык, фитонимы, семантика, языковая картина мира, лиственница, традиционное мировоззрение юкагиров

Благодарности

Статья выполнена в рамках госзадания № 075-00619-26-00 на 2026 г., проект НИР № 124030600003-9

Для цитирования

Прокопьева П. Е. Наименования лиственницы в одульском языке и традиционное мировоззрение лесных юкагиров // Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 160–173. DOI 10.17223/18137083/96/12

© Прокопьева П. Е., 2026

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 160–173

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 3, pp. 160–173

Names of larch in the Odul language and the traditional worldview of the Forest Yukaghirs

Praskovya E. Prokopeva

Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation
pproe@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9413-6093>

Abstract

This paper examines the semantic, morphemic, and linguocultural aspects of the various designations for larch within the Odul (Forest Yukaghir) language. The abundance of larch trees in the ancestral territories of the Forest Yukaghirs, along with their crucial economic significance, has firmly established the tree as a cornerstone of the people's traditional beliefs. The significance of this species is so pronounced that the Yukaghirs differentiate it from the broader plant kingdom, referring to it exclusively as "the Yukaghir tree." Drawing from various historical and linguistic sources, the study identifies thirteen distinct terms for larch. These terms are categorized based on tree age, external physical characteristics, and traditional beliefs regarding the identity between humans and trees. General categories, encompassing terms like "young trees," are represented by six words, with an additional seven terms exhibiting narrow, specialized connotations that reflect the "man-tree" ontological connection. These specific terms originate from shamanic cults and ancestor worship, encompassing the practice of assigning "personal trees" linked to an individual's vitality. Furthermore, the study analyzes the morphemic composition of these lexemes, proposing hypotheses regarding the meanings and etymological origins of individual words. Finally, the study contextualizes these findings by drawing comparisons with linguistic data from the Tundra Yukaghir language.

Keywords

forest Yukaghirs, Yukaghir language, phytonyms, semantics, linguistic worldview, larch, traditional worldview of the Yukaghirs

Acknowledgments

The study was conducted as part of the state assignment no. 075-00619-26-00 for 2026 (research project no. 124030600003-9)

For citation

Prokopeva P. E. Naimenovaniya listvennitsy v odul'skom yazyke i traditsionnoe mirovozzrenie lesnykh yukagirov [Names of larch in the Odul language and the traditional worldview of the Forest Yukaghirs]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2026, no. 3, pp. 160–173. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/96/12

Исследование фитонимической лексики является одной из актуальных проблем ввиду того, что, как отмечают лингвисты, «в фитонимических единицах отражается культурно-исторический, социально-общественный, профессиональный и бытовой опыт носителей языка» [Исаев, 2015, с. 6]. Изучение фитонимов позволяет выявить семантику слов, номинирующих растения, раскрыть особенности фитонимической картины мира в языках и, соответственно, этнической картины мира. Данная статья посвящена наименованиям лиственницы в лесном юкагирском языке, большинство из которых тесно связано с традиционным мировоззрением народа.

Лесные юкагиры (этнолингвистическая группа юкагиров с самоназванием *одул*, проживающая на верхней Колыме) искони занимаются охотой и рыболовством. Природный ландшафт территории их расселения преимущественно со-

ставляет лиственничный лес. Кроме лиственницы, в верховьях Колымы произрастают тополь, береза, разные виды ивы, осина и др. Материал многих деревьев юкагиры широко применяли в хозяйственной деятельности. Так, из лиственницы и березы изготавливали луки, посуду, нарты, из тополя мастерили лодки, лыжи, из прутьев ивы плели рыболовные снасти, веревки. Деревья использовали также в качестве жердей для каркасов переносных конических жилищ и т. д.

По всей видимости, распространенность лиственницы в местах проживания лесных юкагиров и разнообразные возможности ее применения обусловили большое значение этого дерева в традиционном мировоззрении народа и существование в связи с этим в одульском языке различных его названий. Всего по доступным разновременным источникам мы насчитали 13 номинаций лиственницы с широкими и узкими значениями и, кроме того, 2 лексемы, обозначающие древесину лиственницы. Остановимся на них подробнее.

Шаал. В современном языке лесных юкагиров данное слово имеет основное значение ‘дерево’ и вторичные – ‘палка’, ‘дрова’ [Прокопьева П., Прокопьева А., 2021, с. 367]. В значении ‘дерево’ оно зафиксировано и в словаре В. И. Иохельсона, известного исследователя-юкагироведа конца XIX – начала XX в. [Иохельсон, 2005б, с. 467]. Однако, как показывают другие источники, еще одним значением этого слова было ‘лиственница’: например, с таким переводом лексему *shal* представил в своем словаре, иллюстрирующем язык лесных юкагиров первой трети XX в., Н. И. Спиридонов – Тэки Одулок, первый ученый из числа юкагиров¹ [Спиридонов, 2003, с. 26]; в школьном русско-юкагирском словаре В. К. Спиридонова, носителя языка и традиционной культуры лесных юкагиров, указал для слова два значения: ‘дерево’ и ‘лиственница’ [Спиридонов, 1997, с. 9, 17].

Компонент *шаал* входит в другие названия лиственницы, что также свидетельствует о наличии у рассматриваемого слова в прошлом и этого значения. Значение ‘лиственница’ выделяется в словах и словосочетаниях с *саал* ‘дерево’² в близкородственном языке тундровых, нижнеколымских юкагиров, существенно отличающемся от одульского языка: *саанпугил* ‘хвоинка лиственницы’ [Курилов, 2001, с. 415] < *саал* ‘дерево’, -н – показатель родительного падежа, *пугил* ‘лист, листья’; *саан чилгэ пөнкэтэ* ‘шишка лиственницы’ [Там же, с. 416] < *саал* ‘дерево’, -н – показатель родительного падежа, *чилгэ* ‘ветка’, *пөнкэтэ* ‘шишка (дерева)’; *нуннираал* ‘гроб; лиственница, предназначенная для гроба’ [Там же, с. 293] < *нунни* ‘человек, который после смерти перевоплощается в новорожденного’, -*раал* ‘дерево’.

Соответствие гиперонима ‘дерево’ и видовых названий деревьев, взаимный переход этих терминов наблюдается в разных языках. По объяснению Ю. Н. Исаева, «если учесть, что всякое дерево, независимо от видовой принадлежности, имеет родовое наименование *дерево*, переход “дерево” (род) ↔ “дерево” (вид) пред-

¹ Рукописные варианты юкагирско-русского и эвенско-русского словарей были обнаружены во 2-й половине 1980-х гг. среди бумаг известной исследовательницы Е. П. Орловой, которые сейчас хранятся в фондах Магаданского областного краеведческого музея. А. А. Бурькин, подготовивший в 2003 г. издание словарей, пишет: «Из документов, находящихся при тетрадях со словарями, стало понятно, что составителем двух публикуемых словарей является Н. И. Спиридонов, а сохранившиеся тетради представляют собой копии с этих словарей, сделанные рукой Е. П. Орловой» [Спиридонов, 2003, с. 3].

² Языку тундровых юкагиров свойственно секанье, тогда как языку лесных юкагиров – шеканье.

ставляется вполне закономерным явлением» [Исаев, 2015, с. 187]. В одульском языке, как видим, понятия ‘дерево’ и ‘лиственница’ соотнесены.

Одун шаал ~ одунишаа. Слово *одун шаал* [Николаева, Шалугин, 2002, с. 54], или *одунишаа* [Иохельсон, 2005а, с. 266; Прокопьева П., Прокопьева А., 2021, с. 213], переводится как ‘юкагирское дерево’ < *одул* ‘юкагир’, *-н* – показатель родительного падежа, *шаал* ‘дерево’. Усеченная часть *шаа* имеет вариант *-раа* ~ *-ра* в сложных словах (см. [Крейнович, 1979, с. 351]), который указывает на растительный объект или на то, что предмет сделан из древесного материала: *поньхаа-раа* ‘береза’ (*поньхо* ‘белый’), *угурчэраа* ‘тополь’ (этимология первого компонента не совсем ясна, *угурчэ* ‘лыжи (камусные)’), *лабунраа* ‘коряга’ (*лабут* ‘коряга, плавник’), *йиэрчэраа* ‘тальник или тонкое деревце с развилкой, рогатина, используемые как вешала’ (*йиэр* ‘развилка’), *йоллораа* ‘трухлявое дерево’ (*йолло* ‘труха древесная, гнилушка’), *орпондэраа* ‘вешала’ (*орпоо-* ‘висеть’) и др. В юкагирском языке обнаруживаются и другие слова с выпавшим конечным *-л* в *шаал*, в частности *минонишаа* ‘дерево для плота’ [Иохельсон, 2005а, с. 221], где *мино* – это ‘плот (треугольной или четырехугольной формы)’.

То, что одулы называли лиственницу юкагирским деревом, убеждает в их особом отношении к ней, выделении ее из окружающего растительного мира. «Юкагирской», т. е. своей, лесные юкагиры называли еще голубику – *одун лэбэйдии* (*лэбэйдии* ‘ягода’), которая, как писал В. И. Иохельсон, являлась для них любимой ягодой [Иохельсон, 2005б, с. 593].

Онда³. В. И. Иохельсон в своем словаре представил данное слово как ‘лиственница’⁴, а в одном из комментариев к языковому материалу записал его через знак равно с лексемой *одунишаа* [Иохельсон, 2005а, с. 266; 2005б, с. 479]. Через знак «=» исследователь приводил для слов фонетические и морфологические варианты, синонимы, синонимичные грамматические формы, уточнял переводы, показывал морфемный состав лексем и др. (см. [Иохельсон, 2005а]).

Компонент с этой же буквой (Д с точкой внизу) есть в другом слове из фольклорных записей В. И. Иохельсона, тоже обозначающем дерево, – *киэнда*⁵ ‘сухое дерево’ [Там же, с. 221], которое связано с *киэльэ-* ‘быть сухим’ (в современном юкагирском языке лексема *киэнда* не зафиксирована).

И. А. Николаева в работе «A Historical Dictionary of Yukaghir» в гнезде для реконструированной основы «*wont-» включила слова *odun-šal*, *on-da* и их варианты, зафиксированные в разновременных источниках, в одну группу, показав тем самым их общее происхождение и одинаковое значение [Nikolaeva, 2006, p. 458].

Ондьаа. Данная лексема, по-видимому, является фонетическим вариантом *онда*, однако, по информации Л. Н. Деминой, 1950 г. р., она имеет перевод ‘молодая лиственница’ [Прокопьева П., Прокопьева А., 2021, с. 220], в связи с чем мы

³ В транскрипции В. И. Иохельсона буква *Д* имеет точку внизу. Этим знаком он обозначал звуковое сочетание *ДР*, в которое, по его объяснению, в некоторых случаях переходит «сложный согласный», «средний звук между *дж*, *дз*» [Иохельсон, 1898, с. 153]. В современном юкагирском языке в корнях слов, где исследователь писал *Д* с точкой внизу, зафиксированы разные звуки, обозначаемые *Р*, *Ж*, *ДБ*, *Д*, например: *инруой* ‘спит’, *ингжуой* ‘спит’, *йондбук* ‘поспи’ [Прокопьева П., Прокопьева А., 2021, с. 32, 71, 185]; *нингжэм*, *нинрэм* ‘уронил’ [Там же, с. 188, 189]; *полжисьэ* ‘лист’ [Там же, с. 241]; *мундэймэ* ‘принес-я’ [Там же, с. 177].

⁴ Это слово и его вариант зафиксированы также Е. А. Крейновичем: *онраа* ~ *ондаа* [Крейнович, 1982, с. 86].

⁵ В транскрипции В. И. Иохельсона *Д* имеет точку внизу.

обособляем слово (согласный, обозначаемый нами диграфом *дь*, здесь, по словам информанта, произносится как [дж]).

Второй компонент *-дьаа* в этом слове, как и *-да* в *онда*, выступает фонетическим вариантом *-раа* < *шаал* 'дерево; лиственница', выше было показано, что варианты *дь / р / ж* известны в одульском языке. Отметим, что в словаре Н. И. Спиридонова есть утраченное в современном языке лесных юкагиров слово *јапжа*⁶ 'дерево, лесина' [Спиридонов, 2003, с. 16], также подтверждающее возможность вариаций *дь / р / ж*, где первая часть *јап-* может быть соотнесена с *он-*, а *-жа*, очевидно, является вариантом *-раа*.

Нужно сказать, что в обоих юкагирских языках имеется иной аффикс *-дьаа*, при помощи которого образуются существительные со значением обладания [Крейнович, 1982, с. 82]. Формант *-дьаа* (*-дьиэ*), по мнению Г. Н. Курилова, «представляет собой сложное образование из аффикса обладания *-ньэ*, суффикса причастия *-дьэ* и словообразовательного форманта *-аа*» [Курилов, 2003, с. 134]. Посредством этого словообразовательного аффикса, в частности, образуются существительные, обозначающие действующее лицо по его отличительным признакам, или атрибутам: *лаамэдьаа* 'человек, постоянно едущий лишь на собаках' (*лаамэ* 'собака'), *ааришдьаа* 'человек с огнестрельным оружием' (*аариш* 'ружье') и др. [Там же]. В одульском языке существительные на *-дьаа* встречаются редко, например, *амундьаа* 'чебак' (букв. 'костистая', *амун* 'кость').

В связи с составом слов *онда*, *ондьаа* и их вариантов, включающих элемент со значением 'дерево', заметим, что В. И. Иохельсон записал такое слово тундровых юкагиров, как *ондьэрал* 'лиственница'⁷ [Иохельсон, 2005б, с. 479], где *ондьэ* – это причастие 'сырой' (*ону-* '1) быть мокрым; 2) быть сырым, недоваренным; 3) быть сырым, невысушенным (о поленьях)' [Курилов, 2001, с. 343]), *-рал* соответствует *саал* 'дерево'. Слово, по всей видимости, можно переводить как 'сырое (влажное) дерево'.

В основе языковой характеристики лиственницы как пропитанного влагой дерева может лежать известное наблюдение такого специфического свойства ее древесины, как высокое содержание смолы. Износостойкость лиственничной древесины обусловлена именно этим ее качеством. Описывая бревенчатые жилища юкагиров, возведению которых они научились у русских поселенцев, В. И. Иохельсон сообщал об используемой при постройке лиственнице: «Древесина ее очень прочная. Ошкуренная и подвергшаяся воздействию морозных ветров, она сохраняется в течение длительного времени, не подвергаясь гниению. Я видел сотни бревенчатых хижин, сооруженных сотни лет тому назад» [Иохельсон, 2005б, с. 495]. Согласно нашим материалам, серу лиственницы специально собирали при строительстве лодки *эксиль*, чтобы, смешав ее с заячьей шерстью, довести путем кипячения до определенного состояния и заделать потом полученной смесью швы судна. А. Е. Шадрина, 1930 г. р., рассказывала нам: *Ньэлэмэлэ эл лондотчок, чобойолэ нуотэмэк, нумудьишлэ чинэтэмэк, таат тоттуунуй омось танг сиэра танг эксильгэ* 'Ничем не снимаешь, хоть ножом будешь скрести, топором будешь рубить, так хорошо прилипает та сера к той лодке' (материалы автора (далее – МА), записано в 2007 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха

⁶ Н. И. Спиридонов при составлении словаря использовал латинские и кириллические буквы [Спиридонов, 2003, с. 4]. Во избежание ошибки мы представляем слово в написании автора.

⁷ В «Юкагирско-русском словаре» это слово не зарегистрировано. Оно встречается в примере в значении 'сырые дрова' [Курилов, 2001, с. 261].

(Якутия)). По словам А. Е. Шадринной, летом ароматными ветками молодой лиственницы густо устилали земляной пол жилища – урасы: *набаа омось шлэйэннуи* ‘очень хорошо пахнет’ (МА, записано в 2013 г. в с. Нелемное).

Өнмиздиэ. Данным словом в одульском языке и в прошлом, и в настоящем обозначается именно молодая лиственница [Иохельсон, 2005б, с. 462; Спиридонов, 1997, с. 17; Николаева, Шалугин, 2002, с. 57; Прокопьева П., Прокопьева А., 2021, с. 225]. По В. И. Иохельсону, так же молодую лиственницу называли тундровые юкагиры [Иохельсон, 2005б, с. 479]. Позднее в их языке был записан еще такой вариант слова, как *өнниэдэ*⁸ [Крейнович, 1958, с. 276]. В словаре Г. Н. Курилова для лексемы *өнниэдиэ* дана дефиниция ‘молодое деревце; молодая лиственница’⁹ [Курилов, 2001, с. 357].

В лексеме *өнмиздиэ*, возможно, вычленяются три компонента: *өн-*, схожий с *он-* в словах *ондаа*, *ондьаа*, *-миэ* и *-диэ*. Формант *-диэ* может являться уменьшительным суффиксом существительных *-диэ*, в таком случае объясняется значение ‘молодая лиственница’, т. е. небольшая по возрасту лиственница.

В языке лесных юкагиров дифференциация деревьев по возрасту наблюдается только по отношению к лиственнице и тальнику. Так, тальник называют *ньанмэ*, а молодой тальник – *пукэльоодьэ ньанмэ* (букв.: ‘мягкий тальник’) или просто *пукэльоодьэ* (субстантивированное причастие от глагола *пукэльоо-* ‘быть мягким’). Из молодого гибкого тальника юкагиры изготавливали различные ловушки для рыбы, использовали его в качестве веревок. Достоверно этимологизировать лексему *өнмиздиэ* пока не представляется возможным, но можно предположить, что выделение молодых лиственниц в принципе, независимо от исходного значения слова, обусловлено их внешним видом: как известно, у них крона имеет коническую форму, по мере взросления ветви дерева становятся раскидистыми, оно приобретает более округлый вид.

С тонкими, прямыми молодыми лиственницами юкагиры сравнивали молодых людей. Например, так воспевали в песнях возлюбленных: *Мэт йуолгэ обоги – омочэд-өнмиздиэ титэмэй...* ‘Когда я смотрел ея рост – точно стройная молодая лиственница...’ [Иохельсон, 2005а, с. 225]; *Илэд-укочэ өнмиздиэ титэмэй амунги* ‘Его кости точно недавно выросшая молодая лиственница’ [Там же, с. 217]. С девушкой и юношей соотносили вышитые молодые лиственницы на юкагирском кафтане, причем на «лиственнице-девушке ветвей много» [Прокопьева, 2009, с. 139]. Развесистая лиственница, олицетворяющая женщину, на традиционной одежде может быть сопоставлена с женской фигурой из любовных пиктографических писем юкагиров, где вытянутые конусообразные изображения людей с вертикальными центральными линиями и исходящими от них с двух сторон приподнятыми линиями поразительно похожи на деревья. Женские силуэты на пиктограммах чаще выглядят шире мужских (см.: [Иохельсон, 2005б, с. 622–623, 625]).

Ondacione shal. Слово, обозначающее «молодую, гибкую» лиственницу, зафиксировано только в словаре Н. И. Спиридонова [2003, с. 26], составленном, как отмечалось, с использованием латинских и кириллических графем. Как видим, здесь имеется самостоятельное слово *shal* (*шаал*), вычленяются также компонент

⁸ Е. А. Крейнович представил это слово как ‘молодая ель, ёлочка’, однако на территории Нижнеколымского улуса, где проживают тундровые юкагиры, ель не растет. Вероятно, речь идет о молодой лиственнице. Во время посещения данного улуса автор статьи убедилась в том, что ёлочками там нередко называют лиственницы.

⁹ Самостоятельное слово *өнниэ* определяется в словаре как ‘река, вытекающая из (такого-то) озера’ [Курилов, 2001, с. 357].

onda, определяемый с учетом вышесказанного как ‘лиственница’, и часть *cione*, которая формально совпадает с морфемой *-чуон* со значением ‘отсутствие предмета или признака’ (см.: [Крейнович, 1982, с. 3]), однако сопоставление с этим элементом вряд ли возможно по причине возникающего противоречия в семантике.

Шаан шоххо ~ шаан шотхаткиэ. В словаре И. А. Николаевой, В. Г. Шалугина словосочетание *шаан шоххо* зарегистрировано как ‘дерево (*высокое с круглой макушкой*)’ [Николаева, Шалугин, 2002, с. 85]. В последующем мы записали сообщение о *шаан шотхаткиэ* (полагаем, что слова являются лексико-морфологическими вариантами) – почитаемой лиственнице, «шаман-дерева», к которому можно было обратиться с просьбой. Рассказывали, что одно такое дерево стоит по реке Ясачной, притоке Колымы (МА, записано от Н. И. Шалугина, 1946 г. р., в 2011 г. в с. Нелемное).

Об особых деревьях с пышной верхушкой, у которых искали помощь, в частности, при бесплодии, писал Н. И. Спиридонов: «...на высоких деревьях растут иногда целые копны сучьев с одного места, которые образуют веерообразный навес. Нужно подняться на дерево и срубить их, и если на основании их женщина найдет белого червя и съест его, то тогда может получиться внеполовое зачатие и ребенок» [Спиридонов, 1996, с. 45].

Слова *шоххо* и *шотхаткиэ* в сочетаниях по происхождению связаны с лексемами *шахальаа*– ‘собратся’, *шохно*– ‘собранный вместе’ (см. [Nikolaeva, 2006, р. 392, 397]), что объясняет значение ‘дерево с круглой макушкой’, т. е. такое дерево, у которого разросшиеся на вершине ветви образуют нечто вроде нагромождения. Дерево, макушка которого в силу определенных обстоятельств получила такую форму, по-видимому, встречалось нечасто, оно заметно отличалось от других деревьев и поэтому воспринималось как исключительное, обладающее магическими свойствами. Нестандартные деревья почитались многими народами. Например, «у тувинцев духи уродливых деревьев считались духами-покровителями или духами-помощниками шаманов» [Исаев, 2015, с. 187].

Компонент *шаан*, от *шаал*, на наш взгляд, не только может обозначать дерево (лиственницу), но и указывать на его большой возраст, учитывая, что для молодой лиственницы, ввиду каких-то качеств дерева, имелось отдельное название. К старым деревьям¹⁰ у лесных юкагиров было принято относиться с почтением. К ним, способным слышать нужды людей, шли с самыми разными просьбами. Так, девушка, скучая по возлюбленному, говорит: *Лигэй шаалтэгэ, мэтин тэт хамизэк* ‘Старое дерево, мне ты помоги’ [Прокопьева, 2009, с. 133–134]. Аугментативный суффикс *-тэгэ* в слове *шаалтэгэ* в данном контексте подчеркивает уважительное отношение к священному объекту¹¹. Старость дерева вкупе с его необычным видом, вероятно, усиливала восприятие его как особенного.

Преклонение перед вековыми деревьями в традиционной культуре юкагиров, очевидно, возникло вследствие ассоциирования их с предками. Дерево вообще в мировоззрении юкагиров символизировало человека. Это подтверждается сходством людей с деревьями в пиктографических письменах, существованием практики обречения личного дерева, а именно лиственницы, путем придания ему антропоморфного очертания, о чем будет подробнее сказано ниже. Взаимосвязь

¹⁰ Возможно, к любым старым деревьям, так как нами записано, к примеру, обращение к тополи (МА, записано от А. В. Слепцовой, 1930 г. р., в 2007 г. в с. Нелемное).

¹¹ С аугментативным суффиксом *-ткэ* можно сопоставить конечное *-ткиэ* в слове *шотхаткиэ*.

культов деревьев и предков усматривается в соотнесении с родоначальниками-шаманами¹² деревьев, на которых в память о пращурах развешивали деревянные изображения человеческой фигуры (см.: [Иохельсон, 2005б, с. 239–243]). По материалам этнографа-юкагиrowеда Л. Н. Жуковой, «фигуры остроголового перво-предка украшали прежде подолы мужских юкагирских передников и назывались “өнмиэдиэ”, т. е. “молодая лиственница”» [Жукова, 1988, с. 133]. Представления о старом дереве как о предке отражаются в следующем обращении к нему, записанном В. И. Иохельсоном: *Шаан-хаха, митин омоч чундэк* ‘Дерево-дедушка, о нас хорошо думай’ [Иохельсон, 2005а, с. 152]. Мастерница А. В. Слепцова, 1930 г. р., к юкагирскому мужскому костюму пришивала зеленый материал, обозначающий старое дерево, что должно было помогать обладателю одежды [Прокопьева, 2009, с. 140]. В языке лесных юкагиров слово *шаан лархуль* с буквальным переводом «дерева корень» имеет значение ‘родоначальник, прародитель’ [Иохельсон, 2005б, с. 273; Спиридонов, 2003, с. 26].

Orpanri-shal. Н. И. Спиридонов в своем словаре объяснял, что это – «дерево для вешания scarба и также подарков для духов» [Спиридонов, 2003, с. 26]. Слово записано через точку с запятой после *shal* ‘лиственница’ и *ondacione shal* ‘молодая, гибкая’ [Там же]. В первой части лексемы обнаруживается тот же корень, что и в словах *орпурэ* – ‘повесить’, *орпоо* – ‘висеть’, вторую часть составляет лексема *шаал* ‘дерево; лиственница’.

Вероятно, данным словом называли деревья, связанные с памятью о шаманах-предках, и священные старые деревья. Древние юкагиры верили, что в деревянного человека, которого вешали на дерево в честь шамана-первопредка, «вселялся дух покойника, и потому к нему относились как к предку» [Иохельсон, 2005б, с. 239]. В. И. Иохельсон писал об одной такой фигуре: «Она была подвешена на старой лиственнице на скале, прозванной Шаманским камнем...» [Там же, с. 240]. Исследователь сообщал, что, проезжая мимо деревянных изображений, юкагиры останавливались, разводили костер и бросали в него подношения. Деревянные идола, по-видимому, могли быть установлены и на других, кроме лиственницы, деревьях. В. И. Иохельсону рассказывали, что одного деревянного человека изготовил и повесил на дерево сам шаман. До этого события зять шамана выстрелил в ламутского дьявола, который сидел на иве и пел песни. Ранив его, юкагир тоже заболел. Чтобы зять поправился, шаман спустился в Нижний мир и вылечил нечистого. После, сделав деревянного человека, он повесил его на то дерево, на котором сидел ламутский дьявол. В. И. Иохельсон писал, что «к этому деревянному человеку приносят подношения, предназначенные духу умершего шамана» [Там же, с. 242–243].

Определение слова *orpanri-shal* указывает на то, что дары, адресованные духам, преподносились не только через кормление огня, но и посредством развешивания их на деревьях. Доказательством тому служит существовавшее в языке лесных юкагиров слово *орпочинулбон* с тем же корневым компонентом, означающее ‘подношение, жертвоприношение (божествам)’ [Иохельсон, 2005б, с. 462].

Орполубэ ~ орполубаа. Словом, буквально означающим ‘место, где что-то висит’ [Жукова, 1988, с. 138–139], называли лиственницу, которой придали очерта-

¹² В. И. Иохельсон писал о культе шамана-предка у юкагиров: «Древний юкагирский шаман олицетворял свой род. Считалось, что каждый юкагирский род происходил от определенного шамана» [Иохельсон, 2005б, с. 236]. О подвешенных на деревьях деревянных фигурах, посвященных памяти шаманов-предков, см. ниже.

ния человека (-бэ ~ -баа в слове – суффикс со значением места). По Л. Н. Жуковой, «из молодой лиственницы “өнмиэдиэ” человек любого возраста, пола и национальности мог сделать антропоморфную фигуру, считать дерево своим вторым “я” и оставить его в память о себе. Дерево нельзя рубить; после отъезда или смерти человека оно стоит как живая память о нем. Юкагиры такое дерево называют “дерево, имеющее хозяина”» [Там же, с. 138].

Чтобы сделать *орполубэ*, лиственницу сгибали или взбирались на нее, обламывали ветки под макушкой, оставляя две ветки-руки, нижние ветви или удаляли, или оставляли часть [Там же, с. 138].

Фигуру называли также «человек-крест» [Там же, с. 139], «дерево-человек» (МА, записано от А. В. Слепцовой, 1930 г. р., в 2001 г. в с. Нелемное).

По одним сведениям, дерево для *орполубэ* выбирали на высоком берегу или мысу, чтобы его было видно издали [Там же, с. 138]. По другим, его старались сделать в глубине леса, наверное, потому, что у реки при половодье дерево могло повредиться: «Кто в тайге далеко делал, тот долго жил, кто у реки – мало» (МА, записано от М. М. Лихачева, 1923 г. р., в 2001 г. в с. Нелемное).

По состоянию человека-дерева могли судить о жизни и самочувствии его хозяина, когда он уезжал. Считалось, если с лиственницей все хорошо, значит, и человек здоров; если у дерева растут побеги, то и с детьми его хозяина все в порядке; если ветви сохнут, то человек болеет; в случае его смерти лиственница умирала. Говорили, что личное дерево было у каждого человека [Демина, 2015, с. 87].

Непонятна связь слова с основой *орпоо*- ‘висеть’. Возможно, на лиственницу, олицетворявшую конкретного человека, вешали подношения, украшения или что-то другое. Слово может иметь отношение и к лексеме *арнай*- ‘подняться, забраться (наверх)’, в корне которой допускается чередование *а / о*: *орполубэ* ‘подъем (место, где поднимаются)’ [Прокопьева П., Прокопьева А., 2021, с. 221], *орпубэ* ‘проход (горный)’ [Николаева, Шалугин, 2002, с. 56].

По предположению В. В. Напольских, обычай личных деревьев восходит к древнейшей северноевразийской традиции: «В Северной Евразии по крайней мере с финального палеолита существовала традиция ритуального оформления хвойного дерева путем обрывания его веток так, чтоб оставить “голову”, “шею” и “руки”. Такое дерево делали в память о важнейших событиях в жизни человека, и оно становилось двойником субъекта, в честь которого сделано. Эта традиция была распространена прежде всего у народов урало-юкагирского круга, и реликты ее сохранились в обрядовой практике карел и финнов (*карсикко*), удмуртов и бещермян (*чыртыё кыз*), юкагиров (*орполубэ*)» [Напольских, 2024, с. 14–15].

Орпондыраа. Это еще одна номинация лиственницы-человека [Жукова, 1988, с. 139]. Если в слове *орполубэ* акцентуировано значение места, где что-то висит, то в *орпондыраа* обозначено дерево – *-раа*. Интересно, что этим же словом называли вешала – *орпундэраа* ~ *орпондэраа* [Прокопьева П., Прокопьева А., 2021, с. 221], которые, судя по компоненту *-раа*, изготавливались из дерева или сооружались из живого дерева, т. е. дерево само по себе могло использоваться в качестве вешала.

Орпонраа. Данная лексема [Демина, 2015, с. 86] является морфологическим вариантом *орпондыраа*.

Amungi. Слово в значении ‘лиственница’ известно из рукописного словаря Н. И. Спиридонова [2003, с. 9], оно может иметь буквальный перевод «кость его»

< *амун* ‘кость’, *-ги* – притяжательный суффикс 3-го лица¹³. Примечательно, что слово *амун* в сочетании с *шобул* ‘1) ветвь, ветка; 2) подстилка (из веток лиственницы)’ [Николаева, Шалугин, 2002, с. 85], ‘подстилка (из растительного материала, чаще из веток лиственницы, травы)’ [Прокопьева П., Прокопьева А., 2021, с. 369] встречается в фольклорном тексте, записанном В. И. Иохельсоном, в значении ‘ветка лиственницы’: *Шобуд-амунэк марайтэллэ, тадим* ‘Лиственничную ветку, натянув, дала’ [Иохельсон, 2005а, с. 41].

Семантика слова *atungi* может быть связана с существованием личных деревьев. В языке лесных юкагиров *амун* толкуется не только как ‘кость’, но и как ‘покойник’, в последнем значении оно употребляется после имени собственного: *«Афанасий амун мони: “Идьи йахадаасъэ абитэнгик, тит аасъэ абитэнгик”*. – Афанасий покойник говорит: “Сейчас лошадь спрячьте, вашего оленя спрячьте»» [Прокопьева П., Прокопьева А., 2021, с. 46]. В форме *амундэгэн*, где *амун* – ‘кость’, *-дэ-* – притяжательный суффикс 3-го лица, *-гэн* – показатель продольного падежа, слово приобретает значение ‘обликом, внешне; поведением, повадками (о 3-м лице)’: *Адин уо амундэгэн тудэ эсьиэ* ‘Этот ребенок очень похож на отца’; *Тинг нодо мэт эл лэйдийэ, амундэгэн йумусьэмэ титэмизэй* ‘Эту птицу я не знаю, по облику как лебедь’ [Там же]. В свете этих данных можно допустить, что словом *atungi* называли или лиственницу, принадлежащую умершему человеку, или лиственницу-человека вообще, которая воспринималась как подобие, персонификация своего хозяина.

Во всех сообщениях о дереве-человеке подчеркивается, что его изготавливали с целью оставить о себе воспоминания: «Деревья, лиственницы, делали на память» (МА, записано от М. М. Лихачева, 1923 г. р., в 2001 г. в с. Нелемное); «К *орполубэ* приходили как бы повидаться с родственником» [Жукова, 1988, с. 139]; «Потом, после нас, дети, парни, ходя, это дерево увидят. Увидят, скажут: “Как юкагиры, подобно белке, на дерево забирались”» [Прокопьева, 2009, с. 131].

Нужно отметить, что лиственница в традиционном мировоззрении юкагиров одновременно была соотнесена и с земной жизнью человека, и с инобытийной ее формой, после смерти. Например, на юкагирский костюм ребенка привязывали зеленую траву или веточку лиственницы как символ жизни: «После говорили, ту траву привязав: “Мой ребеночек, ты никогда не умрешь, всегда, как эта трава, будешь, как эта трава, зеленый будешь”» [Там же, с. 140]. Юкагиры верили не только в реинкарнацию, в возвращение души человека в новорожденном члене рода, но и в то, что после ухода человек может продолжить свое существование в другом виде, в частности, став деревом: «В птичку превращается душа после смерти. Превращается в лиственницу или березу, в дерево» (МА, записано от Г. Б. Шпак, 1943 г. р., в 2011 г. в п. Зырянка Верхнеколымского улуса). Амбивалентность природы дерева, его сопряженность с миром срединным, где живут люди, и миром потусторонним, отмечается в следующих взглядах юкагиров: «Считается, что *орполубэ* имеет прямую связь с Нижним миром, где живут в таких же условиях, как и на земле, тени умерших предков» [Жукова, 1988, с. 139].

¹³ Такой перевод можно лишь допускать. А. А. Бuryкин, говоря об использовании в словарях Н. И. Спиридонова смешанного алфавита, отмечал: «Насколько можно судить, написание юкагирских и эвенских слов в этих словарях по разным причинам не могло точно передавать звучание этих слов, и, кроме этого, как минимум двукратная переписка словарей могла еще более исказить графический облик слов на письме» [Спиридонов, 2003, с. 4].

Йугул. В современном одульском языке лексема означает ‘дерево (высокое, обычно одиноко стоящее)’ [Николаева, Шалугин, 2002, с. 115]. В фольклорных материалах В. И. Иохельсона слово встречается в значениях ‘высокое дерево’ [Иохельсон, 2005а, с. 220] и ‘высокая лиственница’: *Мит унун Алчэн, йугулмишин* (= *йугул-молбон*) *чугонэги пунэдэти* ‘По нашей реке Балыгычану, среди высоких лиственниц по их дороге следовать будем’ [Там же, с. 222].

Слово можно сопоставить с лексемой *йобул* ‘нос’, которая употребляется в таком переносном значении, как ‘мыс’ [Прокопьева П., Прокопьева А., 2021, с. 135], используется в некоторых названиях гор [Иохельсон, 2005а, с. 223], указывая на нечто выступающее, выдвигающееся, выпирающее.

Аалэ. Данным словом в языке лесных юкагиров обозначается часть лиственницы. Описывая особенности юкагирского лука, В. И. Иохельсон писал, что пере-кладина лука *эйэ* делается из двух видов древесины, из лиственницы и березы, где «плоский внешний слой из лиственницы называется *эйэд-аалэ*». «Слегка изогнутую сторону лиственницы называют словом *аалэ* – это сторона, повернутая к солнцу. Древесина этой стороны более плотная и твердая» [Иохельсон, 2005б, с. 555]. В словаре И. А. Николаевой, В. Г. Шалугина лексема *аалэ* переводится как ‘дерево (твердая часть древесины обычно с солнечной стороны, использовавшаяся для изготовления лодок)’ [Николаева, Шалугин, 2002, с. 17].

Надо отметить, что корень *аалэ* выявляется в слове *аалэндэраал* из языка тундровых юкагиров с узким значением лиственницы – ‘лиственница, имеющая мелкослойную твердую часть’. Словом *аалэ(н)* нижнеколымские юкагиры называют «мелкослойную плотную и крепкую часть древесины (лиственницы)» [Курилов, 2001, с. 19].

Хотониаа. Слово, в котором вторая часть – *шаал*, представлено в словаре И. А. Николаевой, В. Г. Шалугина как ‘дерево, древесина (твердая разновидность древесины лиственницы)’ [Николаева, Шалугин, 2002, с. 77].

Таким образом, в одульском языке из всех деревьев именно лиственница получила разнообразные названия, что, вероятно, предопределено ее преимущественным распространением на территории проживания лесных юкагиров и большой практической пользой. Всего выявлено 13 наименований данного дерева, из которых 6 имеют значения ‘лиственница’ и ‘молодая лиственница’ (*шаал, одун шаал ~ одунишаа, ондаа, ондъаа, өнмиэдиэ, ondacione shal*), 7 отражают традиционные взгляды юкагиров на священные деревья, на тождество дерева и человека (*шаан шоххо ~ шаан шотхаткиэ, orpanri-shal, орполубэ ~ орполубаа, орпондыраа, орпонраа, atungi*) и особенные внешние признаки лиственницы (*йугул*). Список названий лиственницы дополняют также лексемы *аалэ* и *хотониаа*, которые обозначают определенную часть этого дерева, его древесину.

В процессе исследования сделаны предположения относительно морфемного состава отдельных слов, их значений.

В современном языке лесных юкагиров широко употребляется слово *өнмиэдиэ* ‘молодая лиственница’, в форме множественного числа оно часто подразумевает лиственничный лес вообще. Лексема *шаал* известна только в значении ‘дерево’, слово *одунишаа* в разговорной речи практически не встречается.

Список литературы

Демина Л. Н. Одун ньэмолбил = Юкагирский год. Якутск: Бичик, 2015. 96 с.

- Жукова Л. Н. Образ человека в пиктографическом письме юкагиров // Язык – миф – культура народов Сибири: Сб. науч. тр. Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1988. С. 126–147.
- Иохельсон В. И. Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора, собранных в Якутской экспедиции // Изв. Имп. академии наук. 1898. Сентябрь. Т. 9, № 2. С. 151–177.
- Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а. 272 с.
- Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / Пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005б. 675 с.
- Исаев Ю. Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках: Дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2015. 413 с.
- Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 288 с.
- Крейнович Е. А. Юкагирский язык // Языки Азии и Африки. М., 1979. Т. 3. С. 348–368.
- Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 304 с.
- Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
- Курилов Г. Н. Лексикология современного юкагирского языка: Развитие лексики и роль в нем якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.
- Напольских В. В. «Личное дерево» в Северной Евразии и следы мерянского субстрата в культуре русских Костромского края // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 6–15. DOI 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-6-15
- Николаева И. А., Шалугин В. Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект): Учеб. пособие для учащихся начальной школы. СПб., 2002. 224 с.
- Прокопьева П. Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
- Прокопьева П. Е., Прокопьева А. Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). Новосибирск: Наука, 2021. 412 с.
- Спиридонов В. К. Школьный русско-юкагирский словарь. Якутск, 1997. 58 с.
- Спиридонов Н. И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.
- Спиридонов Н. И. (Теки Одулок). Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь / [Изд. подгот. А. А. Бурыкин]. Якутск: Якут. гос. ун-т, 2003. 57 с.
- Nikolaeva I. A. Historical Dictionary of Yukaghir. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. 500 p.

References

- Demina L. N. *Odun n'emolgil = Yukagirskiy god* [Odun n'emolgil = The Yukaghir year]. Yakutsk, Bichik, 2015, 96 p.
- Iokhel'son V. I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannyye v Kolymskom okruge* [Materials for the study of the Yukaghir language and folklore collected in the Kolyma district]. Yakutsk, Bichik, 2005a, 272 p.
- Iokhel'son V. I. *Obraztsy materialov po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannykh v Yakutskoy ekspeditsii* [Samples of materials on the study of the Yukaghir language and folklore collected in the Yakut expedition]. *Izvestiya Imperatorskoy akademii nauk*. 1898, September, vol. 9, no. 2, pp. 151–177.

Iokhel'son V. I. *Yukagiry i yukagirizirovannyye tungusy* [The Yukaghirs and the Yukaghirized Tungus]. V. Kh. Ivanov, Z. I. Ivanova-Unarova (Trans.). Novosibirsk, Nauka, 2005b, 675 p.

Isaev Yu. N. *Fitonimicheskaya kartina mira v raznostrukturnykh yazykakh* [Phytonymic picture of the world in differently structured languages]. Dr. philol. sci. diss. Cheboksary, 2015, 413 p.

Kreynovich E. A. *Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku* [Research and materials on the Yukaghir language]. Leningrad, Nauka, 1982, 304 p.

Kreynovich E. A. *Yukagirskiy yazyk* [The Yukaghir language]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1958, 288 p.

Kreynovich E. A. Yukagirskiy yazyk [The Yukaghir language]. In *Yazyki Azii i Afriki* [Languages of Asia and Africa]. Moscow, 1979, vol. 3, pp. 348–368.

Kurilov G. N. *Leksikologiya sovremennogo yukagirskogo yazyka: razvitiye leksiki i rol' v nem yakutskogo yazyka* [Lexicology of the modern Yukaghir language: development of vocabulary and the role of the Yakut language in it]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 288 p.

Kurilov G. N. *Yukagirsko-russkiy slovar'* [Yukaghir-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2001, 608 p.

Napolskikh V. V. "Lichnoye derevo" v Severnoy Yevrazii i sledy meryanskogo substrata v kul'ture russkikh Kostromskogo kraya ["Personal tree" in Northern Eurasia and traces of the Meryan substrate in the culture of the Russians of the Kostroma region]. *Ural Historical Journal*. 2024, no. 2 (83), pp. 6–15. DOI 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-6-15

Nikolaeva I. A. *Historical dictionary of Yukaghir*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2006, 500 p.

Nikolaeva I. A., Shalugin V. G. *Slovar' yukagirsko-russkiy i russko-yukagirskiy (verkhnekolymskiy dialekt): ucheb. posobiye dlya uchashchikhsya nachal'noy shkoly* [Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir dictionary (Upper Kolyma dialect): textbook for elementary school students]. St. Petersburg, Drofa, 2002, 224 p.

Prokop'eva P. E. *Otrazheniye mifologicheskogo myshleniya v yukagirskom fol'klore* [Reflection of mythological thinking in Yukaghir folklore]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 143 p.

Prokop'eva P. E., Prokop'eva A. E. *Yukagirsko-russkiy slovar' (yazyk lesnykh yukagirov)* [Yukaghir-Russian dictionary (language of the forest Yukaghirs)]. Novosibirsk, Nauka, 2021, 412 p.

Spiridonov N. I. *Oduly (yukagiry) Kolymskogo okruga* [The Oduls (Yukaghirs) of the Kolyma district]. Yakutsk, Severoved, 1996, 80 p.

Spiridonov N. I. (Teki Odulok). *Yukagirsko-russkiy slovar'. Evensko-russkiy slovar'* [Yukaghir-Russian dictionary. Even-Russian dictionary]. A. A. Burykin (Ed.). Yakutsk, Yakut. gos. un-t Press, 2003, 57 p.

Spiridonov V. K. *Shkol'nyy russko-yukagirskiy slovar'* [School Russian-Yukaghir dictionary]. Yakutsk, 1997, 58 p.

Zhukova L. N. *Obraz cheloveka v piktograficheskom pis'me yukagirov* [The image of a person in the pictographic writing of the Yukaghirs]. In *Yazyk – mif – kul'tura narodov Sibiri: sb. nauch. tr.* [Language – myth – culture of the peoples of Siberia: collection of scientific papers]. Yakutsk, Yakutsk State University Press, 1988, pp. 126–147.

Информация об авторе

Прасковья Егоровна Прокопьева, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

Information about the Author

Praskovya E. Prokopeva, Candidate of Pedagogical Sciences, Leading Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 03.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted on 03.02.2025;
approved after reviewing on 01.09.2025; accepted for publication on 01.09.2025*